

МОДУСЫ РЕЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А. Н. Безруков

Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Герменевтическое толкование литературного произведения на современном этапе не сводится к его однозначному прочтению, а стремится к смысловому множеству. Процесс чтения корректирует диалог смыслов. Анализ модусов рецепции художественного текста формирует онтологическую оценку человеческого бытия.

Ключевые слова: процесс чтения, теория рецепции, эстетика чтения, смысловой диалог.

Текст, воспринимаемый в широком значении слова конструктом, состоящим из знаковых образований, попадает в сферу интересов разных гуманитарных дисциплин. Каждая из них рассматривает его со своих методологических позиций, опираясь на свои теоретические догматы. Одновременно с этим текст, выступая объектом междисциплинарного исследования, как плоскостная форма не дает необходимого результата для его прочтения. Именно созвучность подходов, их взаимная корреляция может стать той органикой, чей общий итог позволит видеть в тексте объективную бытийность с рядом сферических признаков.

Читаемый текст, будь то комплекс художественных парадигм либо общекультурных уровней, задает субъективные начала, смысл которых не так четко может быть опредмечен. Именно «путем осмысления мы достигаем места, откуда впервые открывается пространство, вымеряемое всяким нашим действием и бездействием» [7, с. 252]. Отправной точкой любой мысли либо точкой формирования знания о мире и человеке становится язык — универсальный код, феномен, поэтический инструментарий.

«Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека, <...> язык есть не что иное, как дополнение мысли, стремление возвысить до ясных понятий впечатления от внешнего мира и смутные еще внутренние ощущения, а из связи этих понятий произвести новые» [5, с. 304–305]. Наличная языковая структура способна не только фиксировать ряд первостепенных авторских установок, но и давать возможность читателю интерпретировать их, то есть актуализировать для конкретного места и времени. Чтение, таким образом, превращается как в манипуляцию знаков с акцентной установкой игры, так и в преодоление буквальной, хотя и универсальной, формы, в новый код описания миропорядка. Сохраняя идеальную форму-модель мира, язык стихийно трансформирует сознание читателя. Приобретение языком ряда функций есть свидетельство его саморазвития и совершенствования. Однако в связи с этим неизбежно возникновение и ряда *пред-*допущений: корреляция действий, трансформация формы, развитие полифункциональных черт, собственно смена осевой разверстки, вариация рецепций. Типичным для

языка в пространстве бытия остается налично-знаковый формат, в течение времени существующий как объективация условной структуры.

Еще Аристотель отмечал, что звукосочетания — «это знаки представлений в душе, а письмена — знаки того, что в звукосочетаниях»; логика зависимости звука от буквы через представление реципиента весьма понятна, но реверсивный путь от буквы к пониманию у Аристотеля описан не так детально. Далее читаем: «Подобно тому как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления» [1, с. 93]. В этом тезисе также присутствует явная отсылка к более сложному видению процесса понимания языка/текста, но коррективы о важности отличий рецепций предметного мира не столь ярки. Восприятие текстовой структуры происходит, как видим, из буквального проживания/переживания образной картинки. Схожесть с процессом создания/построения текста/фразы наблюдаем и в ходе развертывания художественного полотна на уровне выявления смысла. Истинно-смысловое начало текста условно, как условен и сам текст, он всецело индивидуален (авторский канон), одновременно с этим приращивает объективные значения (читательский прогноз).

Создавая ткань текста, писатель использует систему художественных средств (поэтический язык, жанровую форму, сюжетную канву), которые реализуют идейный замысел. Формирование пространства текста осуществляется рядом процедур, определяемых автором индивидуально. Расшифровка или прочтение произведения также предполагает соблюдение определенных закономерностей. Одним из возможных вариантов работы над текстом может быть герменевтическое истолкование.

Герменевтика как философская дисциплина оформилась в трудах таких теоретиков, как В. Дильтей, Ф. Шлейермахер, Э. Гуссерль, Г. Шпет, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер; практическая же реализация была осуществлена П. Рикёром, Г.-Р. Яуссом, В. Изером. Смысловое прочтение текста, приближение к его внутренней сути, по мнению ученых, может быть осуществлено с помощью герменевтического круга. Создавая текст, автор относительно свободен в выборе правил его восприятия. Герменевтическое понимание, наряду с внешним восприятием текста, должно учитывать и литературный жанр, и творческий метод, и сюжетное построение, и мотивную структуру. Следовательно, при толковании учитывается тройственный характер процедуры: язык ↔ текст ↔ автор. Но необходимо отметить, что главную роль играет именно сам текст, текст как центр, текст как генератор смыслов, текст как концентрат лингвистических и экстралингвистических элементов в единое целое.

Практика анализа подтверждает то, что текст/произведение следует воспринимать частью всеобщего культурного развития, принятие для себя действенного ряда операций с текстом не что иное, как осознание законов общего регулирования системы ценностей и ориентиров будущего. При этом текстовая

наличка не должна быть центром внимания: несомненно, реципиент зависим от нее, но выход за пределы знакового комплекса и проявит максимально творческую интуицию, которая дополнит чтение.

Уровень языка является у Шлейермахера первоосновой, целым: «всякая речь воспринимается только при условии понимания языка» [8, с. 43], текст же — авторской речью либо частью. Именно речь (словесный вариант) существует в этом понимании как «чувственная форма» [5, с. 306]. Всякая речь, по Шлейермахеру, должна становиться действенной структурой, чьи ориентиры направлены на живой поток бытия. Отсутствие динамики в процессе лишает текст жизненной правды, того, что является основой понимания сущего. Творческие импульсы, регулируемые реципиентом, манифестируют текстовую наличку, придают ей шанс претворения.

Применяя язык на практике, автор создает свое видение предмета, времени. Читательское сознание, под воздействием ряда предпосылок, порой не может справиться с традиционно жесткой догмой смысловой разверстки, не хватает опыта предвидеть динамику стиля. Индивидуальное начало последнего и будет тем, что должно быть выхвачено из сложных ходов контекста, осмыслено как самобытный способ писания и приведено в систему реакций на текст. Читатель тем самым осуществляет реверсивную авторскую правку стиля, приобретая опыт рецепции, собственного *я*.

В коммуникативной ситуации, как отмечает Г.-Р. Яусс, «литературное произведение, даже если оно кажется новым, не является как нечто совершенно новое в информационном вакууме» [9, с. 194]. Взаимозависимость одного текста от другого у Яусса интерпретируется с помощью контекстуальных параллелей, то есть аллюзийного фона. Эстетика воздействия текста на читательское сознание именно в том, что ситуация несовпадения горизонтов и есть производная составляющая, регулирующая движение текста в наличной культуре. Для рецепции целого необходимо обращение к принципам герменевтического видения, что позволяет преодолеть границы эстетических систем. Глобальность прочтения текстового полотна зависит как от внимательной прочитки *знака*, так и обусловлена социальными знаниями реципиента. Знаковый комплекс подает ряд сигналов читателю: это и форма (конструкт), и традиция, и поэтика слова (универсальный язык), и образность (художественный вымысел).

Литературная ткань текста настолько подвижна, насколько подвижна сама жизнь, проецируемая в ней. Ограничение свободы читательского творчества ведет к не-контакту, результат фиксируется в одномоментном представлении. Текст, сводимый в некую форму матрицы, и есть рисуемая проекция смысла. Всё, что вмещает текст, а это и собственно лингвистические уровни, и уровни экстралингвистические, и паралитературные, дискурсивно воздействует на смысловое поле, восприятие которого и необходимо заключить в реконструированную, «реверсивную парадигму» [3, с. 31]. Многомерный вариант прочтений не снижает художественных достоинств произведения, а, наоборот, позволяет матрично выстроить параллели, сферически определить контуры. Ча-

стотное несовпадение рецепций ведет к диалогу интерпретативных рядов. Приобретая смысл в процессе восприятия, текст вновь и вновь формирует некий интервал пустот. Семантическое зияние (шумовой эффект) уловимо вербализацией. Необходимо озвучить как сам индивидуально-авторский текст, так и его интерпретативные вариации: «литературное произведение появляется, когда происходит совмещение текста и воображения читателя, и невозможно указать точку, где происходит это совмещение, однако оно всегда имеет место в действительности, и его не следует идентифицировать ни с реальностью текста, ни с индивидуальными наклонностями читателя» [6, с. 202]. В ходе такой процессуальной игры читатель не только потребитель продукта, он фигура эстетической коллизии, со-участник рождения ситуации. Динамика смысловых оборотов позволяет придать эффект движения и тексту, интенсивность которого во многом объяснена природой эстетики.

Смещение смысловой ветки в ходе восприятия текста готовит реципиента к знаковой игре, дешифровке кода. Ретроспективный и реверсивный ходы, перспективная проекция и мыслимое продолжение истории образа, истории жизни потенциально заполняют имманентный читательский стандарт. Выбор становится ведущим критерием для достижения условно планируемого результата. Текстовый блок, при действенном отношении к нему, выбивает разряды смыслов, реализуя потенцию поэтического, образного, художественного слова. Корреляция возможна в случае возврата к той позиции, которая по определению не может быть реконструирована. Как отмечает Изер, «принимая свои решения, читатель имплицитно признает неисчерпаемость текста; и та же самая неисчерпаемость заставляет его принимать решения» [6, с. 209]. Такой подход дает возможность читателю не приблизиться к некоему условному абсолюту и найти единственно верное разрешение смысла, но полярно выстроить путь преодоления его непонимания. Выбор и будет той отправной точкой, с которой начинается путь как автора, художника слова, так и читателя, транслятора Логоса. Последовательный, пошаговый договор с текстом онтологически функционален. Редупликация смыслов рождает эффект удвоения художественной реальности. В ней читатель и будет максимально свободен: «если мы перечитываем текст во второй раз, наши знания от предыдущего прочтения влияют на восприятие временной последовательности текста» [6, с. 209]. Событийный пласт, уже осознанный при первичном обращении к тексту, отчасти запечатленный в памяти, потенциально подсказывает дальнейший, новый путь к его прочтению. Переживание, традиционное для литературы, означает не что иное, как приобщение к культуре с целью познать себя. Взаимная соотнесенность себя и мира вокруг синтезирует цельность имманентного и трансцендентального. Отражение в тексте читательских сознаний координирует, объективирует личное начало с коллективным. Первичный чужой дискурс становится своим, свое растворяется в культурном: «познание есть индивидуальный акт целостного взгляда на вещи» [6, с. 213].

Определяя себя в окружающем мире, ассоциативно читатель отождествляет свой внутренний мир с миром предшествующих поколений. Индивидуальная часть — становится созвучной части целой. Эстетический эффект от признания себя в пространстве внешнего связан с полным равновесием сознаний. Поддержание такой гармоничной сути позволяет прогнозировать модусы читательской рецепции.

Список литературы

1. *Аристотель*. Об истолковании // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
2. *Безруков А. Н.* Рецепция художественного текста: функциональный подход. Вроцлав: Фонд «Русско-польский институт», 2015. 300 с.
3. *Безруков А. Н.* Событие межтекстовой коммуникации: А. Пушкин — Ф. Достоевский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40), ч. II. С. 29–32.
4. *Безруков А. Н.* Эстетика воздействия текста на читательское сознание // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2015. № 1 (6). С. 181–188.
5. *Гумбольдт В. фон*. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2001. 400 с.
6. *Изер В.* Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 201–226.
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
8. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
9. *Яусс Г.-Р.* История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория: антология / сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 192–201.

Об авторе

БЕЗРУКОВ Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Башкирского государственного университета (Бирский филиал), Бирск; e-mail: in_text@mail.ru